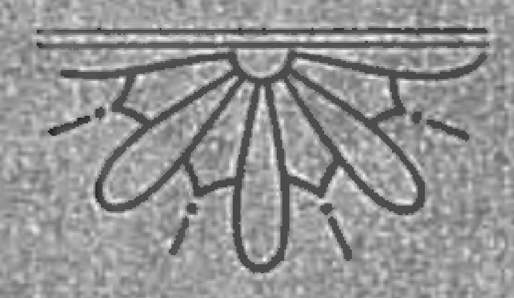

II 5/79

И. С. Бѣляевъ.

Бытовые очерки прошлаго.

По архивнымъ документамъ.

Самовластіе галичскаго воеводы и отпоръ духовенства въ 1676 г.

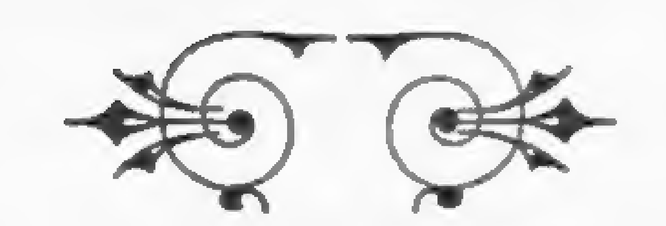
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія «Надежда», Почтамтская, 13
1908.

И. С. Бѣляевъ.

Бытовые очерки прошлаго.

По архивнымъ документамъ.

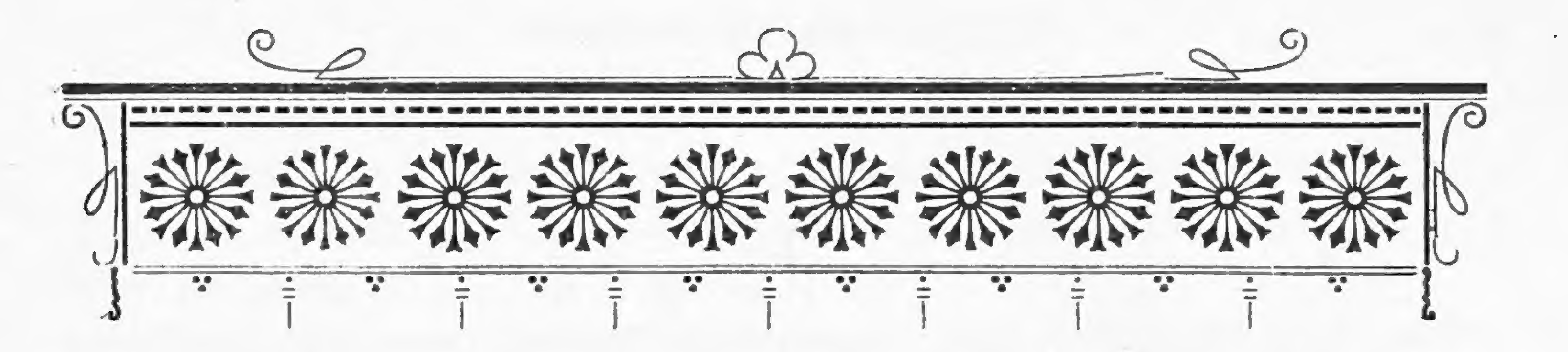
Самовластіе галичскаго воеводы и отпоръ духовенства въ 1676 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія «Надежда», Почтамтская, 13
1908.

413132

Ѣытовые очерки прошлаго.

По архивнымъ документамъ.

Самовластіе галичскаго воеводы и отпоръ духовенства въ 1676 г.[1]).

Быть русскаго духовенства старой Руси до эпохи преобразованій и учрежденія Св. Синода, не какъ института, стойко державшаго въ странѣ въ теченіе почти тысячелѣтія православіе, передававшаго его изъ поколѣнья въ поколѣнье и вызвавшаго многія цѣнныя изслѣдованія по исторіи церкви, а изученіе его внутренней жизни, отношенія къ другимъ сословіямъ и начальствующимъ лицамъ, подробности правъ, которыя духовенство имѣло, и обязанностей, которыя оно должно отправлять и дѣйствительно выполняло,—всѣ эти стороны очень мало извѣстны въ исторической литературѣ.

Предлагаемый очеркъ, извлеченный изъ дѣлопроизводства Приказнаго стола Разряда, освѣщаетъ нѣкоторыя бытовыя черты изъ жизни духовенства въ то сложное для него время, въ тотъ „переломъ“, который начался въ русскомъ обществѣ отъ исправленія патріархомъ Никономъ богослужебныхъ книгъ и въ суровыхъ формахъ продолжался до конца XVIII. Документъ интересенъ еще тѣмъ, что даетъ разговорный языкъ послѣдней четверти XVII в. и, порою, тѣ своеобразныя выраженія, которыми тогда обмѣнивались между собою современники.

---

[1]) Моск. Архивъ Мин. Юст. Столбецъ Приказнаго стола Разряда № 447, склейки 1—310. Собственныя и географическія имена и все содержаніе очерка является обработкой документа, передавая безъ прикрасъ то, что было.

I.

Въ 1675—1676 годахъ въ городѣ Галичѣ, довольно видномъ административномъ центрѣ, воеводствовалъ Порфирій Өедоровичъ Рахманиновъ. Ладилъ онъ съ мѣстными помѣщиками, уѣздными разнаго чина людьми, не ссорился и съ посадскими, хотя послѣдніе по причинамъ, которыя будутъ видны ниже, и не долюбливали воеводу. Не могъ только ужиться Порфирій Өедоровичъ съ мѣстнымъ духовенствомъ. Потому ли, что Рахманиновъ, служившій ранѣе въ Малороссіи и тамъ учившійся, считая себя „просвѣщеннымъ ученіемъ“, глядѣлъ на галичское духовенство свысока, а, оно, занимавшееся обученіемъ обывателей, въ свою очередь не особенно признавало воеводу за носителя просвѣщенія, только отношенія были между ними натянутыя. Начались они тотчасъ же по опредѣленіи Рахманинова воеводою и по прибытіи въ Галичъ.

За нѣсколько дней до его пріѣзда, еще при прежнемъ воеводѣ Мусинѣ-Пушкинѣ, произошло событіе, взволновавшее весь Галичъ. Къ церкви Василія Великаго былъ опредѣленъ „попъ“ [1]) Логинъ Ивановъ, сынъ мѣстнаго посадскаго человѣка. Много разъ служилъ онъ въ церкви и, стоя въ алтарѣ, часто глядѣлъ онъ на образъ Знаменія и ему казалось, что икона эта „была въ забвеніи многое время“. 1 ноября, въ день празднованія Безсребрениковъ Космы и Даміана, онъ также служилъ обѣдню и думалъ, что скоро приближается праздникъ Знаменія. Въ самомъ концѣ службы, послѣ заключительной молитвы, едва онъ вошелъ въ алтарь, какъ ему послышалось, что отъ образа Знаменія „было стенаніе и въ глазахъ явились слезы“. Внѣ себя Логинъ Ивановъ выбѣжалъ изъ церкви, поднялся на колокольню и началъ благовѣстить „всполошнымъ звономъ“.

Сбѣжались архимандриты, священники и всякихъ чиновъ люди.

— Чудо, чудо!—восклицалъ имъ Логинъ, увлекая всѣхъ въ алтарь.

Весь трясясь, подвелъ онъ присутствовавшихъ къ иконѣ Знаменія.

— Слышите! видите!—продолжалъ восклицать онъ.

Бывшіе отвѣтили отрицательно. Тогда Логинъ сказалъ, что

---

[1]) Въ документѣ въ единств. числѣ вездѣ употреблено „попъ“, тогда какъ во множественномъ—„священники“.

слышитъ отъ иконы „стенаніе и видитъ слезы и сейчасъ“, сталъ спрашивать въ отдѣльности каждаго и получалъ такой же отрицательный отвѣтъ. Его кое-какъ успокоили, но долгое время порой ему казалось чудо, порой нѣтъ.

О случаѣ этомъ донесли патріарху, имъ было сдѣлано распоряженіе освидѣтельствовать дѣло; а послѣ того, по донесеніи изъ Галича подробностей, приказано было „старостѣ поповскому усовѣщевать“ Логина, внушать ему, что чуда нѣтъ.

Окончаніе этого дѣла и совпало съ пріѣздомъ въ Галичъ новаго воеводы Порфирія Ѳедоровича Рахманинова. Едва стало ему извѣство объ исторіи съ чудомъ отца Логина, какъ онъ, въ присутствіи многихъ лицъ, въ томъ числѣ и „старосты посадскаго“, съ гнѣвомъ закричалъ:

— Попы—плуты! они равны борзымъ собакамъ! Если бы я сидѣлъ на здѣшнемъ патріаршемъ десятильничѣ дворѣ, то бы попа Логина на цѣпь посадилъ.

Ему никто ничего не отвѣтилъ, но въ тотъ же день его слова стали извѣстны почти всему городу, и новый воевода сразу нажилъ себѣ непріятелей въ средѣ мѣстнаго духовенства и посадскихъ.

II.

Года два спустя послѣ дѣла Логина Иванова, къ Порфирію Рахманинову стали поступать грамоты изъ Москвы о понужденіи помѣщиковъ Великосельской волости къ доставкѣ положеннаго стрѣлецкаго хлѣба. Срокъ былъ уже пропущенъ, но великосельцы обязались подпиской приготовить хлѣбъ къ новому сроку; въ поручителяхъ за помѣщиковъ, а частью и вслѣдствіе ихъ неграмотности подписались на подпискѣ той же волости Ильинскій, попъ Фролъ и его сынъ Иванъ. Воевода же Рахманиновъ, не дождавшись дня новаго срока, послалъ команду въ Великосельскую волость за названными попомъ и его сыномъ и велѣлъ въ Галичѣ посадить ихъ въ приказной избѣ на цѣпь.

— Отпусти ихъ, Порфирій Ѳедоровичъ, вѣдь вины ихъ нѣтъ!—просилъ за заключенныхъ поповскій староста „попъ“ Артемій.

— Садись самъ на ихъ мѣсто на цѣпь—тогда свобожу,—отвѣчалъ воевода.

Стрѣлецкій хлѣбъ къ второму сроку помѣщиками былъ уже

доставленъ, Рахманинову ими было сообщено о томъ, но онъ продолжалъ Фрола съ сыномъ держать на цѣпи.

— Придетъ съ Москвы изъ приказа грамота, что хлѣбъ изъ Галича полученъ, тогда выпущу,—говорилъ Порфирій Ѳедоровичъ и слово свое сдержалъ; но между духовенствомъ въ городѣ и въ уѣздѣ поднялся на него сильный ропотъ.

Одной изъ самыхъ тяжелыхъ обязанностей воеводы считалась такъ называемая „ямская гоньба", или нарядъ лошадей для исполненія разныхъ государевыхъ дѣлъ. Въ 1672 г. Порфирію Рахманинову было спѣшно предписано переправить изъ Сибири въ Москву прибывшую „мягкую рухлядь", т. е. мѣха, но когда „рухлядь" доставили къ Рахманинову, большинство галичскихъ ямщиковъ разбѣжалось, и воевода къ сроку рухляди послать въ Москву не могъ, потому что „подводъ не было", за это нерадѣніе ему въ отпискѣ князя Жирового-Засѣкина былъ объявленъ „государевъ" гнѣвъ изъ Москвы.

Поэтому, когда воевода на именинахъ у „своего друга" [1]), какъ сказано въ документѣ, у Царя—Константиновскаго „попа" Петра встрѣтился съ двумя „попами" Николаевскимъ Яковомъ и Варварскимъ Порфирьемъ, братья которыхъ были ямщиками, то не выдержалъ и съ досадой имъ сказалъ:

— Стали вы, Яковъ и Порфирій, въ попы, утая свою прежнюю службу въ ямщикахъ; а по указу святѣйшаго патріарха, такихъ людей сыскивая, снимаютъ съ нихъ скуфьи и отдаютъ въ старый чинъ.

— Вѣдомо тебѣ, Порфирій Ѳедоровичъ,—спѣшили возразить одинъ за другимъ Яковъ и Порфирій, что отецъ нашъ и братья и нынѣ въ ямщикахъ, но сами мы ими не бывали, а къ церквамъ поставлены по челобитнымъ приходскихъ людей, а ямщиковыми ли дѣтьми мы написаны въ той челобитной, про то не знаемъ.

— А про васъ слухъ шелъ, съ усмѣшкой замѣтилъ воевода,—что при вашемъ прошеніи въ „попы" митрополитъ Сарскій и Подонскій Павелъ, узнавъ, что вы ямщиковы дѣти, выгналъ васъ изъ крестовой вонъ.

— То явная неправда!—воскликнули братья. Всѣмъ вѣдомо, что мы ставлены въ попы блаженныя памяти великимъ господиномъ, святѣйшимъ Іоасафомъ патріархомъ Московскимъ и всеа

---

[1]) Единственнаго священника изъ всего галичскаго духовенства, доброжелательно относившагося къ воеводѣ.

Россіи, и мы тебѣ, Порфирій Өедоровичъ, можемъ объявить ставленую и перехожую грамоты.

Воевода замолчалъ; на этомъ пока дѣло и остановилось, но его неудовольствіе на „поповъ" братьевъ вскорѣ разгорѣлось съ новою силою.

Въ Галичѣ при городскихъ воротахъ сторожемъ, или, какъ указано въ документѣ, „воротникомъ" находился нѣкто Любимъ Шушинъ. Извѣстенъ онъ былъ не столько, какъ надежный стражъ при вратахъ, сколько—какъ отчаянный „бражникъ". Не проходило ни одного праздника или мало мальски выдающагося событія, чтобы „Любимко", какъ называли его въ городѣ, не нашелъ случая напиться. Человѣкъ онъ былъ еще не старый и жилъ у матери, вдовы также бывшаго воротника.

Вотъ этотъ-то Шушинъ, по примѣру предшествовавшихъ лѣтъ, на первой недѣлѣ Великаго поста въ понедѣльникъ съ мѣшкомъ на спинѣ, въ которомъ наложены были коренья рѣдьки и хрѣну, началъ обходить дома знакомыхъ галичскихъ обывателей, поздравляя ихъ съ „чистымъ понедѣльникомъ" и лукаво поднося при этомъ хрѣнъ и рѣдьку. Вездѣ его за то подчивали виномъ. Конечно, первый его „подносъ" былъ воеводѣ Рахманинову, и отъ него онъ также не остался безъ угощенія.

Но ночью того же дня, когда „Любимка" „привезли" домой мать его замѣтила, что съ сыномъ творится недоброе: онъ метался на постели, лицо его побагровѣло, глаза налились кровью.

Утромъ же къ Николаевскому „попу" Якову, у котораго отецъ былъ ямщикъ, и въ приходѣ котораго жилъ „Любимко" Шушинъ, явился малый съ просьбою отъ матери причастить воротника.

Когда „попъ" Яковъ пришелъ въ помѣщеніе Шушина, то увидѣлъ, что дядя Любимкинъ отливаетъ его на постели полураздѣтаго изъ ковша водою, а мать воротника „льетъ ему поперемѣнно въ ротъ деготь и деревянное масло".

— Что вы дѣлаете!—вскрикнулъ Яковъ, онъ отъ вина весь сгорѣлъ; дайте ему покой, онъ отходитъ. Дѣйствительно, черезъ нѣсколько минутъ „Любимко" умеръ.

Дня черезъ два, когда воевода Рахманиновъ только-что вошелъ въ приказную избу, къ нему повалилась въ ноги мать Любима Шушина.

— Защити, батюшка, Порфирій Өедоровичъ, отъ попа Якова: не хочетъ онъ моего Любимка хоронить; знатно, ждетъ отъ меня десяти рублевъ!—вопила она передъ воеводою.

*

— Ступай домой!—сказалъ ей воевода,—я его заставлю отпѣть Любимка.

Черезъ часъ въ приказной избѣ передъ воеводою стоялъ Николаевскій попъ Яковъ, вызванный приставомъ.

— Отчего ты не хочешь погрести тѣло Любимково!—закричалъ на него воевода,—посулу десять рублевъ просишь?

— Для такихъ людей, какъ Любимка, сгорѣвшихъ отъ вина, намъ приказъ былъ: не хоронить безъ похоронной памяти патріарша въ Галичѣ намѣстника—архимандрита Сильвестра.

— Онъ такой же плутъ, какъ и вы всѣ попы,—а я тебѣ приказываю тотчасъ же его отпѣть.

— Если доставишь архимандричью похоронную память, то я готовъ отпѣть Любимка хоть сегодня,—спокойно отвѣтилъ ему „попъ“ Яковъ, кланяясь и идя изъ приказной избы.

— Подождите, вотъ я вамъ задамъ „архимандрита!“—злобно въ слѣдъ Якову закричалъ Рахманиновъ.

Въ тотъ же день, едва Яковъ окончилъ вечерню, какъ къ нему въ церковь вошли пристава 5 человѣкъ во главѣ съ Калинкой Лютовымъ и, выталкивая его изъ церкви, повели къ приказной избѣ „съ безчестьемъ“.

Услышавъ шумъ на улицѣ, изъ дома „попа“ Якова выскочила его жена и дѣти.

— Убирайтесь во дворъ, змѣинино отродье!—пригрозилъ имъ кулакомъ Калина Лютовъ,—не то и васъ всѣхъ заберемъ.

Семья о. Якова въ страхѣ бросилась домой.

Въ приказной избѣ „за карауломъ“ стоялъ уже братъ Якова „попъ“ Порфирій, когда взятаго изъ церкви привели сюда.

— Не единожды посылалъ я къ вамъ обоимъ объ уплатѣ „полоняничныхъ денегъ“,—велю силой теперь доправить!—съ гнѣвомъ закричалъ воевода.

— Тебѣ, Порфирій Ѳедоровичъ, вѣдомо, что мы государевой руги за полгода не получали, ты намъ ее не выдавалъ; мы уже тебѣ сказывали, что изъ нашей руги уплатимъ и полоняничныя деньги,—отвѣтилъ „попъ“ Яковъ.

— Вамъ только пить да бряжничать, а не о государевыхъ сборахъ заботиться!—вновь закричалъ Рахманиновъ.—Посади ихъ, Калина, на цѣпь на три дня да покрѣпче, а на четвертый въ эту пору отправь ихъ съ моею отпискою подъ началъ въ Паисинъ монастырь.

— Богъ тебѣ судья! Онъ нашъ защитникъ,—со вздохомъ отвѣтилъ воеводѣ одинъ изъ братьевъ.

Цѣлые три дня они просидѣли на цѣпи въ приказной избѣ. Потомъ съ подьячимъ Саввою Сыдавнымъ, подъ карауломъ, были отправлены, какъ говорилъ воевода, въ монастырь, но съ дороги ихъ вернули назадъ. Оказалось, что за братьевъ вступился архимандритъ Сильвестръ: церкви три дня стояли безъ службы, и онъ съ прихожанами явился къ воеводѣ и убѣдилъ его „для преосвященныя литургіи“ отпустить на свои мѣста Якова и Порфирія. Оказалось также, что государева руга на все духовенство Галича была давно уже прислана, но Рахманиновъ раздачею ея не торопился...

III.

Въ Галичскомъ уѣздѣ въ имѣніи Ивана Воронова въ деревнѣ Бачмановой оказалась „чреватой“ вдова крестьянка Авдотьица Ильина; на „очной ставкѣ“ былъ обнаруженъ и ея соблазнитель крестьянинъ той же деревни, еще молодой парень Васька Панфиловъ, приходившійся шуриномъ священнику Григорью отъ церкви Василья Великаго въ Галичѣ. Женка была взята въ Галичъ на „патріаршъ десятильничъ дворъ“ и сюда же былъ присланъ ея возлюбленный Панфиловъ. Отцу Григорью, какъ родственнику послѣдняго, было поручено отъ десятильнича двора „усовѣщевать“ ихъ обоихъ. Около мѣсяца сидѣла на патріаршѣ дворѣ вдова Авдотьица, часто приходилъ къ ней о. Григорій вмѣстѣ съ своимъ сыномъ Петромъ, призывалъ къ себѣ Василья Панфилова, приносилъ имъ ѣды и даже вина и склонялъ вдову и Панфилова къ браку. Какимъ-то образомъ объ этомъ кормѣ стало извѣстно воеводѣ Рахманинову. Онъ тотчасъ же послалъ къ архимандриту Сильвестру отписку, „по указамъ которыя женки породятъ младенцевъ не въ бракѣ, и тѣмъ чинить наказанье кнутомъ и батогами“. Указывая, что вдовѣ Авдотьицѣ „чинится во всемъ противъ указовъ ослабленіе“, Рахманиновъ предлагалъ Авдотьицу заковать въ желѣза, угрожая въ противномъ случаѣ отобрать ее къ себѣ въ приказную избу.

Прошла недѣля. 25 мая вечеромъ у вдовы Авдотьицы вновь были отецъ Григорій съ сыномъ, былъ и Панфиловъ, „пили всѣ пиво и тайно между собою говорили“, какъ показалъ сторожъ десятильнича двора Стенька Ивановъ. Послѣ ухода Панфилова и о.

Григорія съ сыномъ, сторожъ заглянулъ въ избу: Авдотьицы не было, онъ сталъ ее звать — никто не откликался, выбѣжалъ на дворъ—и здѣсь ея не оказалось. Тогда онъ вышелъ на улицу и ему показалось, что тѣнь Авдотьицы была видна бѣжавшею къ Галичскому озеру. Сторожъ былъ очень старъ; походилъ еще коегдѣ и вернулся домой. Утромъ же о побѣгѣ Авдотьицы донесъ архимандриту.

Еще черезъ недѣлю изъ Галичскаго озера вытащили утопленницу, скованую въ желѣзахъ. Лицо ея вздулось и посинѣло, но сторожъ Ивановъ по лицу и по онучамъ, въ которыхъ ушла съ десятильнича двора вдова Авдотьица, узналъ въ утопленницѣ свою бывшую сидѣлку, убѣжавшую вечеромъ 25 мая.

Что заставило бѣдную беременную женщину покончить съ собою: угроза ли Рахманинова, разладъ ли съ своимъ возлюбленнымъ, изъ дѣла не видно; на чьей совѣсти остались двѣ погубленныя человѣческія жизни, не выяснено, но галичское духовенство послѣ случая съ Авдотьицей стало говорить, что „воевода въ ихъ дѣла вступается самовольно“.

IV.

8 іюня 1676 г., въ день празднованія ангела государя — Θеодора Студита, послѣ литургіи и молебна въ соборной церкви, воевода Порфирій Θедоровичъ Рахманиновъ пригласилъ къ себѣ на обѣдъ двухъ архимандритовъ: Паисина монастыря — Сильверста, „которому велѣно вѣдать всякія духовныя дѣла въ Галичѣ и въ уѣздѣ“, и Городецкаго монастыря—Іосифа; были приглашены также многіе помѣщики, нѣсколько священниковъ, болѣе видные посадскіе люди съ своимъ старостой Ильей Херовымъ, всего, по выраженію документа, „гостей, друзей и хлѣбоядцевъ до 50 человѣкъ“.

Хмѣльные напитки во время обѣда подавались въ изобиліи; на столахъ, кромѣ другихъ кушаній, стояли „блюда съ студнями“. Въ срединѣ обѣда, „въ полъ-стола“, какъ сказано въ документѣ, въ горницу вошелъ 16-ти лѣтній сынъ помѣщика Френева Максимъ, жившій у Рахманинова и „носившій его платье“. Онъ учился грамотѣ у дьякона церкви Царя Константина Якова, также присутствовавшаго на обѣдѣ.

— Что жъ ты выучилъ ли, Максимъ: буки-азъ-ба, буки-икъ-би, глаголь-икъ-ги?—обратился воевода къ вошедшему:—всю ли азбуку выучилъ?

— Нѣтъ, только половину—отвѣтилъ Максимъ.

— Ходилъ съ января по май—и только половину!—съ усмѣшкой произнесъ воевода:—а у насъ на Украйнѣ также учатъ „буки-икъ-би", и моего сына деревенскій попъ въ четыре мѣсяца совсѣмъ выучилъ; а вамъ, надо быть, только бражничать! рѣзко крикнулъ Рахманиновъ, поглядывая на дьякона Якова.

Архимандритъ Сильверстъ поднялся было съ лавки, но потомъ, покачавъ головою, сѣлъ молча на свое мѣсто, и обѣдъ пошелъ своимъ чередомъ.

По окончаніи же обѣда, когда „попъ" Ермолай и воеводинъ другъ „попъ" Петръ, по отпускѣ, стали возглашать: „Слава Отцу и Сыну и Святому Духу!"—Рахманиновъ, качаясь на ногахъ, обратился къ нимъ и громко сказалъ:

— Всѣмъ вы этотъ стихъ, кому и не нужно, говорите!

— Перестань, Порфирій Ѳедоровичъ, ты говоришь худо,—замѣтилъ ему „попъ" Петръ.

— А я опять скажу: говорите-де вы тотъ стихъ всѣмъ, того не разумѣючи!—съ гнѣвомъ крикнулъ воевода, топнувъ ногою.

При этихъ словахъ „соборный попъ Логинъ, разсердившись на воеводу, сталъ ходить по горницѣ и плевать".

— Пойдемъ, отецъ Іосифъ,—обратился Сильвестръ къ другому архимандриту: что принадлежитъ Богу, здѣсь стали примѣнять къ естеству. И, взявши за руку, потащилъ его изъ комнаты.

— Ступай, ступай: попамъ потатчикъ!—крикнулъ имъ Рахманиновъ въ слѣдъ такъ, что всѣ присутствовавшіе слышали.

Воевода качаясь направился къ себѣ въ спальню, а черезъ нѣсколько минутъ разошлись и его „гости".

V.

Въ числѣ братіи Паисина монастыря, гдѣ архимандритомъ былъ главный поповскій староста Сильвестръ, находился іеромонахъ Іосифъ.

Отецъ этого іеромонаха былъ въ Галичѣ воротникомъ, а самъ онъ въ 30-лѣтнемъ возрастѣ, женившись, „по заручной мірской

челобитной“ поставленъ былъ въ священники церкви Кузьмы и Даміана въ Равдикѣ стану Галичскаго уѣзда; черезъ нѣсколько лѣтъ перешелъ въ священники въ Москву въ Георгіевскій дѣвичій монастырь, потомъ къ церкви Николая Чудотворца, „что у Таганныхъ воротъ“. Здѣсь онъ выдалъ дочь свою замужъ за подьячаго Пушкарскаго прихода Юрья Меркурьева. Овдовѣвъ, передалъ домъ свой зятю и ушелъ въ Троицкій Сергіевъ монастырь, гдѣ постригся. Узнавъ, что зять выгналъ его дочь изъ дома, вернулся въ Москву, побилъ зятя и послѣ долгой волокиты въ судахъ помирился съ зятемъ и вернулся въ Сергіевъ монастырь. Отсюда перешелъ на родину въ Галичскій Паисинъ монастырь и уже лѣтъ съ 6 состоялъ въ числѣ старшей братіи, будучи очень любимъ своимъ архимандритомъ Сильверстомъ.

Сына своего Ивана Іосифъ опредѣлилъ дьякономъ въ соборную церковь, женивъ на дочери священника отъ церкви Михаила Архангела Гура Андреева. Но сынъ его, очевидно, не ладилъ съ женою, потому что какъ-то ночью, въ іюнѣ мѣсяцѣ 1676 г., она, забравъ многіе пожитки мужа и его отца, а ея свекра, указаннаго іеромонаха Іосифа, находившіеся у нихъ на храненіи, убѣжала къ отцу Гуру Андрееву. Когда къ послѣднему явился Іосифъ, онъ не только не отдалъ ему вещей сына, но и его собственныхъ. Іосифъ, бывъ отъ природы сильнымъ человѣкомъ, „жестоко“ побилъ и свою невѣстку и ея отца. Тотъ пожаловался на него архимандриту Сильвестру и, наконецъ послѣ долгихъ уговоровъ той и другой стороны, они заключили „мировую челобитную“, и іеромонахъ Іосифъ, послѣ ея подачи 10 іюля, послѣ вечеренъ возвращался съ „Галичскаго патріаршаго десятильничьяго двора“.

Но едва Іосифъ появился на улицѣ, какъ пошелъ дождь. Старецъ остановился и, переждавъ его, двинулся дальше; однако нашла новая туча, опять полилъ дождь, и Іосифъ вновь остановился „близъ Успенской башни на лугу, не доходя Кузнецкой улицы“. Тутъ только онъ замѣтилъ, что за нимъ слѣдятъ два галичскихъ пристава, одного изъ которыхъ Ѳедьку Капина старецъ встрѣчалъ.

— Вонъ стоитъ недругъ воеводинъ, старецъ, онъ идетъ отъ женки; пойдемъ поймаемъ его, — услышалъ Іосифъ слова Ѳедьки.

Іеромонахъ не сталъ долѣе дожидаться и опрометью, несмотря на дождь, побѣжалъ черезъ лугъ. Пристава бросились за нимъ, и Ѳедька Капинъ, нагнавъ, схватилъ его за руку.

— Безъ указа патріарха насъ имать не велѣно! — крикнулъ ему Іосифъ и съ такою силою толкнулъ пристава, что тотъ свалился на лугъ.

Старецъ вновь бросился бѣжать, преслѣдуемый вторымъ приставомъ. Близъ „Козьи слободки и винокурнаго двора“ послѣдній схватилъ старца за подолъ мантіи, но Іосифъ рванулся впередъ, и большой лоскутъ матеріи остался въ рукахъ пристава.

— Лови, лови его!—крикнулъ тогда приставъ стоявшимъ у „бражнаго двора“ стражникамъ. Трое изъ нихъ преградили путь Іосифу и задержали его. Подбѣжали оба пристава, и всѣ впятеромъ принялись бить несчастнаго монаха. „Увѣчили меня долго и за волосы таскали“, показалъ онъ впослѣдствіи.

Почти стемнѣло, когда избитаго Іосифа привели къ Съѣзжей избѣ. Едва очутившись въ избѣ, онъ очень изумился, когда въ слѣдъ за нимъ сюда же втолкнули какую-то неизвѣстную ему женщину и оставили ихъ вдвоемъ на всю ночь.

На другой день утромъ въ Съѣзжую избу явился воевода. Онъ какъ-то лукаво поглядывалъ на монаха и „женку“.

— Ты ночами бражничаешь, у женокъ бываешь, тебя съ поличнымъ поймали!—крикнулъ онъ на монаха,—а архимандритъ тебя въ непорочномъ житіи славитъ.

— Того никогда не бывало: я эту женщину въ первый разъ вижу,—отвѣтилъ Іосифъ.

— Знаешь ли ты, чернецъ, что я сниму съ тебя чернецкое платье и опять въ воротники поставлю!—со злобою сказалъ воевода.

— Хорошо ты, Порфирій Ѳедоровичъ, вѣдаешь, что я въ воротникахъ никогда не былъ; а что мой отецъ имъ состоялъ, въ томъ мнѣ не порокъ.

— Я старца этого также не вѣдаю: онъ правду молвилъ,—заговорила женщина.—Чаю только, что пристава меня взяли, что вчера на улицѣ съ сосѣдкой сказала о палачѣ Ивашкѣ Вагинѣ, что слышала, какъ у моего двора трое битыхъ имъ кнутомъ похвалялись убить его до смерти за то, что больно онъ наказываетъ. А чьи они дѣти, того не вѣдаю, а примѣты ихъ помню.

— А тебя называютъ „гулящей женкой“ Ѳедоркой!—съ усмѣшкой замѣтилъ Рахманиновъ.

— Того не скрою, что называютъ, только старца не вѣдаю,—сказала женщина.

— Твой сыскъ будетъ послѣ. А тебя,—обратился онъ къ монаху,—я пошлю въ Городецкій монастырь.

— Безъ указа святѣйшаго патріарха того дѣлать не можешь!—рѣзко произнесъ Іосифъ.

— То увидишь!—отвѣтилъ воевода.—Тебѣ небось желательно было, чтобы я вернулъ тебя къ вашему „потатчику“ Сильвестру: какъ бы не такъ!

Часа черезъ два Іосифа въ рваной мантіи въ сопровожденіи 4-хъ разсыльщиковъ пѣшкомъ вели уже въ Городецкій монастырь. Въ отпискѣ Рахманиновъ игумну писалъ, чтобъ „посылаемаго монаха, изыманнаго ночною порою съ женкою, оставить въ монастырѣ впредь до указа“.

За обиженнаго вступился архимандритъ Сильвестръ, о его задержаніи воеводою донесъ патріарху, а недѣли черезъ двѣ Рахманиновъ получилъ приказъ „іеромонаха Іосифа свободя, вернуть въ Паисинъ монастырь по-прежнему“. Архимандриту же Сильвестру предписывалось о дѣйствіяхъ воеводы изслѣдовать и донести.

VI.

Въ концѣ того же іюля мѣсяца, въ воскресенье, архимандритъ Паисина монастыря Сильвестръ въ соборной церкви служилъ литургію со многими священниками, въ числѣ которыхъ находился Богоявленскій „попъ“ Евдокимъ. За обѣдней стоялъ и воевода. Когда литургія кончилась, Рахманиновъ у главныхъ дверей сталъ поджидать архимандрита, но послѣдній повернулъ въ лѣвыя двери. Воевода бросился вонъ изъ церкви и уже на „монастырѣ“ настигъ Сильвестра.

— Слышалъ я,—заговорилъ воевода,—что ты обо мнѣ сыскъ производишь, а за своими попами не смотришь, какъ служатъ—ино по новому, а ино по старому, все тотъ же Евдокимъ, о которомъ я тебѣ не разъ сказывалъ, служитъ не равно и въ своей церкви не такъ, какъ сегодня...

— Онъ уже давно исправился и свою вину принесъ; перестань зло носить,—спокойно отвѣтилъ архимандритъ.

— Не онъ, такъ другіе плуты и пьяницы, на десятильничѣ дворѣ посулы имутъ, а ты имъ потакаешь!—возвышая голосъ, произнесъ воевода.

— Что ты ихъ въ томъ упрекаешь: и мы съ тобою пьемъ. А я вотъ тебѣ что скажу: кто въ домахъ своихъ пьетъ, тотъ и вездѣ пьетъ, а кто дома не пьетъ, тотъ и нигдѣ не пьетъ.

— Дорогой ты человѣкъ, что и говорить! — закричалъ Рахманиновъ.—Зналъ я тебя, каковъ былъ ты на Рязани, — все возвышая голосъ, кричалъ воевода:—горшечниковъ сынъ,—вотъ ты кто! проговорилъ онъ, блѣднѣя въ лицѣ.

— И ты также, дорогой человѣкъ, — громко и съ усмѣшкой произнесъ архимандритъ,—на Рязани обычный дворянинъ былъ, послѣднiй сынъ боярскiй, битъ батоги вмѣсто кнута, да сыскать то про тебя некому!—выходя изъ себя, также съ гнѣвомъ произнесъ архимандритъ...—Да и говорить-то мнѣ съ тобою нельзя,— уже болѣе спокойно замѣтилъ онъ, потому что я служилъ литургiю Божiю и словъ не хочу плодить болѣе.

— Дорога твоя литургiя, что служилъ:—подобна она коровью помету!—внѣ себя закричалъ Рахманиновъ въ слѣдъ уходившему архимандриту.

Тотъ ничего не отвѣтилъ и, выйдя изъ церковной ограды, сѣлъ въ телѣгу и поѣхалъ къ себѣ въ монастырь.

Крики и шумъ привлекли любопытныхъ: служившихъ священниковъ, помѣщиковъ и посадскихъ. Воевода тотчасъ же по уходѣ архимандрита „являлъ“ ихъ всѣхъ, т. е. переписалъ, что они были и слышали при его ссорѣ съ уѣхавшимъ. И только, исполнивъ здѣсь же у церкви „сыскъ“, отправился домой.

Къ церкви Богоявленiя, въ которой священникомъ состоялъ названный воеводою Евдокимъ Ивановъ, принадлежалъ самый значительный приходъ Галича. Кромѣ него здѣсь же былъ еще другой священникъ Савинъ, братъ родной Евдокима, дiаконъ Тихонъ и пономарь Иванъ Титовъ.

Въ священники къ церкви Богоявленiя Евдокимъ былъ поставленъ въ 1662 г. вятскимъ епископомъ Александромъ. Въ это время уже произошло исправленiе богослужебныхъ книгъ патрiархомъ Никономъ, и Евдокимъ ѣздилъ въ Москву, учился служить „по ново-исправленнымъ служебникамъ“; но когда онъ вернулся въ Галичъ, другой священникъ при церкви Богоявленiя, его родной дядя Василiй служилъ все по старому служебнику; потому ли, что въ первое время послѣ реформы патрiарха Никона и прихожане и священники не проявляли еще такъ рѣзко разницы въ обрядахъ богослуженiя, подѣйствовали ли на молодого священника убѣжденiя дяди, „чтобы розни между ними не было“, но и Евдокимъ сталъ служить также по старымъ книгамъ, продолжалъ даже и

тогда, когда дядя его умеръ, вплоть до 1672 г. Въ это время къ нему въ церковь былъ опредѣленъ діаконъ Артемій, совѣтовавшій Евдокиму служить „по новому".

На всѣ церкви города Галича существовала одна просвирня вдова Василиса, отъ нея бралъ просфоры и Евдокимъ, служа обѣдню на семи просфорахъ, при этомъ Василиса только для одного Евдокима держала старую печать — „знамя Креста съ Адамлевой головой", всѣ же прочія церкви брали у Василисы просфоры съ новымъ знаменемъ.

Но очевидно служба Евдокима была по душѣ его прихожанамъ, потому что въ теченіе десяти лѣтъ съ 1662 по 1672 годъ они были имъ довольны, и никто до поступленія въ приходъ діакона Артемья о его службѣ духовному начальству не доносилъ.

Года два продолжались несогласія у Евдокима съ діакономъ Артеміемъ; воеводою сталъ уже въ Галичѣ Рахманиновъ, которому Артемій и не преминулъ сообщить о службахъ Евдокима, а воевода въ свою очередь „непрестанно" сталъ говорить о Евдокимѣ архимандриту Сильвестру и „поповскимъ старостамъ". Но и тутъ прихожане поддержали своего священника: „по заручной челобитной они отказали діакону Артемью", который вскорѣ былъ поставленъ священникомъ въ уѣздѣ къ церкви Козьмы и Даміана, а къ Евдокиму въ діаконы поставили его родного брата Тихона Иванова. Тогда воевода о службѣ Евдокима „по старому" донесъ прямо патріарху, а послѣдній предписалъ взыскать „за вину" съ Евдокима пени 5 рублевъ.

Однако же и самъ Евдокимъ понялъ, что такъ дѣло идти не можетъ, и въ началѣ 1676 года принесъ повинную патріарху Іоакиму.

— Служилъ я,—писалъ онъ въ челобитной,—до сего времени по старымъ служебникамъ отъ невѣдѣнія и въ томъ тебѣ Великому господину вину свою приношу и въ томъ прощенія прошаю. А нынѣ я многогрѣшный Благодатію Божіею работаю Ему Господеви со страхомъ и съ трепетомъ, по новоисправленнымъ служебникамъ и надъ пятью просфорами, что отцу архимандриту и поповскимъ старостамъ вѣдомо. Смилуйся, великій господинъ! вели меня въ тѣхъ пенныхъ деньгахъ свободить!"

Патріархомъ было поручено архимандриту Сильвестру наблюсти за поведеніемъ попа Евдокима, и недѣли черезъ двѣ архимандритъ донесъ въ Москву, что Евдокимъ „служитъ по новымъ книгамъ безъ сумнѣнія, и раскола за нимъ нѣтъ".

О такомъ донесеніи архимандрита воевода Рахманиновъ узналъ уже послѣ ссоры своей съ Сильвестромъ у соборной церкви. Онъ „раскипѣлся гнѣвомъ“, какъ сказано въ документѣ, что архимандритъ прикрываетъ „попа“ и сталъ затѣвать „вражду на нихъ обоихъ“.

Такъ какъ Евдокимъ обладалъ чрезвычайной физической силой, былъ „человѣкъ мощный“, по выраженію документа, одинъ справившись однажды съ тремя напавшими на него разбойниками, и такъ какъ личная расправа съ нимъ представляла затрудненія и опасности, то воевода прибѣгнулъ къ другому средству.

Въ первое воскресенье послѣ Успеньева дня „попъ“ Евдокимъ вмѣстѣ съ женою отправились на свадьбу къ помѣщику Коровину. Въ домѣ остались его десятилѣтняя дочь дѣвочка Татьяница и свойственница Евдокима Анна Лукина, которая у него, какъ сказано въ документѣ, „домовничала“. Къ вечеру, во время отсутствія Евдокима, къ нему въ домъ „внезапно явились пристава“, связали Анну, дѣвочку посадили въ чуланъ, „разбили всѣ сундуки и заголовки, разметали по полу богослужебныя книги и платья и взявъ отъ церкви пономаря Ивашка Титова, отвели его и Анну въ приказную избу, посадивъ на цѣпь. Двое же другихъ приставовъ одновременно пришли къ просвирницѣ Василисѣ и отобрали у нея „старую печать съ Адамлевой головой“.

А на утро воевода донесъ патріарху, что онъ произвелъ обыскъ въ домѣ попа Евдокима и хотя „старослужебниковъ не обыскалъ, но архимандритъ и поповскіе старосты очищаютъ его напрасно, потакая ему; старая же просфорная печать до сего дня находилась у просвирницы, отобравъ которую онъ, воевода, посылаетъ на усмотрѣніе патріарха“.

Когда же попъ Евдокимъ вернулся съ женою со свадьбы, то усмотрѣлъ, что въ домѣ его „разбито точно отъ погрома непріятельскаго“.

Утромъ онъ направился къ воеводѣ Рахманинову, и тотъ ему сказалъ, что „Анна Лукина взята въ похвальныхъ непристойныхъ словахъ къ обыску, а пономарь Ивашка—въ запирательствѣ по доносу на него Евдокима“.

Несмотря на просьбы и угрозы Евдокима, Анна и пономарь 2 недѣли просидѣли въ приказной избѣ на цѣпяхъ и, какъ послѣ оказалось, безвинно.

VII.

Случай съ Евдокимомъ переполнилъ чашу терпѣнія галичскаго духовенства, при томъ Евдокимъ оказался не только „мощнымъ“, но и очень энергичнымъ человѣкомъ: онъ обошелъ въ городѣ всѣхъ священниковъ и діаконовъ, многихъ уговаривалъ, со многими совѣтовался и наконецъ достигъ цѣли.

Все галичское духовенство, во главѣ съ двумя архимандритами, подало челобитныя, за собственноручными подписями, какъ царю Өедору Алексѣевичу, такъ и патріарху Іоакиму, на воеводу Порфирья Рахманинова въ „обидахъ, въ налогахъ и въ разореніи и что онъ въ ихъ духовныя дѣла вступается“; въ челобитной указали всѣ случаи его „своеволія“, которые разсказаны выше.

Черезъ нѣсколько дней о челобитныхъ на него галичскаго духовенства Рахманиновъ уже зналъ; онъ призвалъ близкихъ ему помѣщиковъ Трифона Шишкина и Василья Сипягина на совѣтъ, какъ помочь бѣдѣ. Шишкинъ и Сипягинъ вмѣстѣ съ Рахманиновымъ рѣшили составить также челобитную въ защиту воеводы. Нашли отставного подьячаго, чтобы не было подозрѣнія на воеводскихъ, и написали челобитную на имя государя „отъ помѣщиковъ, уѣздныхъ и прочихъ галичскихъ людей“, слѣдующаго содержанія:

„Воевода Порфирій Рахманиновъ, не такъ, какъ другіе бывшіе воеводы, городу Галичу и уѣзду добродѣтель многую учинилъ, всякія государева дѣла дѣлалъ вправду, безволокитно и безкорыстно“... и. т. д.

Такую челобитную Шишкинъ съ Сипягинымъ стали возить подписывать знакомымъ, и подписей набралось уже достаточно. Но въ Галичѣ оставался еще значительный классъ людей, которые къ подписямъ совсѣмъ не шли: то были посадскіе [1]).

Тогда Рахманиновъ вызвалъ къ себѣ посадскаго старосту Илюшку Херова и въ присутствіи Шишкина и Сипягина, прочтя ему предположенную челобитную, сказалъ:

— Тебѣ бы, Илья, вѣдая про меня истину, написать та-

[1]) Изъ документа видно, что большинство галичскихъ священниковъ и діаконовъ происходило изъ мѣстныхъ посадскихъ; ставились по заручнымъ челобитнымъ, часто у нихъ въ домахъ жили ихъ отцы и братья; связь съ духовенствомъ была крѣпкая.

кову же челобитную за своею подписью и подписями посадскихъ людей?

— Того сдѣлать не могу,—отвѣтилъ Херовъ,— посадскіе люди на тебя, Порфирій Ѳедоровичъ, въ обидѣ, что ты, слышно, всякіе сборы отдать хочешь на откупъ уѣзднымъ людямъ.

— Коли особую челобитную не пошлете, подпишитесь на этой?— сказалъ Рахманиновъ

— У насъ шли толки,—возразилъ Херовъ,—что если я похочу подписать, то меня отъ старожства отставить.—А каковъ сыскъ будетъ, покажемъ „вправду", о чемъ спросятъ,—отвѣтилъ староста.

„И какъ ни угрожалъ",—по выраженію документа,—Рахманиновъ посадскимъ людямъ, послѣдніе остались при своемъ и не подписали челобитной.

Но своей защитительной челобитной Рахманинову послать не пришлось. Очевидно, въ Москвѣ имъ были уже сильно недовольны, потому что 28 августа 1686 года онъ получилъ слѣдующую грамоту отъ царя Ѳедора Алексѣевича.

„По нашему указу велѣно быть въ Галичѣ на твое мѣсто стольнику нашему и воеводѣ Воину Аѳанасьевичу Ордину-Нащокину [1]). А перемѣнить ему велѣно тебя безсрочно, а тебѣ велѣно быть въ Галичѣ для очныхъ ставокъ по сказкамъ галичскихъ монастырей властей, а для сыска посланъ сыщикъ изъ Патріарша приказа архимандритъ Антоній. И будетъ по сыску и по очнымъ ставкамъ оправдаешься, и тебѣ ѣхать къ Москвѣ, а будетъ въ томъ дѣлѣ не оправдаешься, и тебѣ бы быть въ Галичѣ за поруками. А въ сыскное время велѣно тебя выслать въ Галичскій пригородъ, куда ближе и пристойнѣе". Дальше предписывается сдать весь городъ и нарядъ и ключи новому воеводѣ.

Такого же содержанія о смѣнѣ Рахманинова и о сыскѣ по челобитной галичскаго духовенства посылается грамота Ордину-Нащокину, бывшему воеводой въ Ярославлѣ.

Дней черезъ пять въ Галичъ пріѣхалъ Нащокинъ, смѣнилъ Рахманинова и вмѣстѣ съ архимандритомъ Антоніемъ въ продолженіе болѣе чѣмъ трехъ мѣсяцевъ производилъ допросы и очныя ставки бывшему воеводѣ и галичскому духовенству.

---

[1]) Изъ этого назначенія видно, что сынъ „государственныхъ и посольскихъ дѣлъ оберегателя", нѣкогда бѣжавшій за границу, былъ прощенъ вполнѣ и состоялъ воеводою въ разныхъ городахъ. Сравн. „Исторія Россіи", Соловьева, т. II, стр. 173—174.

Собранныя дѣломъ данныя были не въ пользу Рахманинова; посадскіе, кромѣ приведенныхъ уже случаевъ, указали еще на много мелкихъ злоупотребленій въ его дѣятельности. На этомъ дѣло и оканчивается; вѣроятно, Рахманиновъ или вскорѣ умеръ или „обвиненъ“, потому что послѣ „сыска“ имя его въ числѣ воеводъ, по архивнымъ документамъ, уже не встрѣчается.

И. С. Бѣляевъ.

